

ДНЕВНИК РАСКОЛА

А К Т I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Караваев

Дневник Раскола

<https://litres.ru/74500522>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дневник раскола» — это мрачная фэнтези-история о паладине, который однажды перестал понимать, где заканчивается долг и начинается наслаждение кровью.

Дантаэль приходит в себя в нутре живого иллитидского корабля, не помня, кем был, но держа в руках меч, клятву и голос, что зовёт его изнутри. Шаг за шагом он вспоминает Орден Света, бога Торма, адские пустоши Аверно и собственное падение — и с каждым воспоминанием граница между паладином и чудовищем становится всё тоньше.

Первый акт — это личный ад пробуждения: живой наутилоид, захваченный иллитидами, битвы с демонами, гитьянка-воительница Лаэзель и Темный Соблазн — тёмное отражение героя, что говорит его голосом, но шепчет совсем иные истины. Для тех, кто никогда не слышал о Торме, Шар, Аверно или иллитидах, мир раскрывается через память и боль героя: читатель узнаёт лор вместе с Дантаэлем, не вываливая на себя справочник, а проживая каждое открытие изнутри.

Содержание

Аннотация	7
ВВЕДЕНИЕ. Эхо стали	14
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Даниил Караваев

Дневник Раскола

ДНЕВНИК
РАСКОЛА
Акт I

Аннотация

Часть 1

Шепот

«Дневник раскола» — это мрачная фэнтези-история о паладине, который однажды перестал понимать, где заканчивается долг и начинается наслаждение кровью.

Дантаэль приходит в себя в нутре живого иллидского корабля, не помня, кем был, но держа в руках меч, клятву и голос, что зовёт его изнутри. Шаг за шагом он вспоминает Орден Света, бога Торма, адские пустоши Аверно и собственное падение — и с каждым воспоминанием граница между паладином и чудовищем становится всё тоньше.

Первый акт — это личный ад пробуждения: живой наутилоид, захваченный иллидами, битвы с демонами, гитьянка-воительница Лаэзель и Темный Соблазн — тёмное отражение героя, что говорит его голосом, но шепчет совсем иные истины. Для тех, кто никогда не слышал о Торме, Шар, Аверно или иллидах, мир раскрывается через память и боль героя: читатель узнаёт лор вместе с Дантаэлем, не вываливая на себя справочник, а проживая каждое открытие изнутри.

Это история о расколотой душе, где холодный хищник и пылающий зверь делят одно тело, а вопрос «кто я?» опаснее любого демона. И каждый новый бой — это не только кровь на клинке, но и шаг к ответу, который может оказаться

страшнее любой истины.

Оглавление

Аннотация

Оглавление

Часть 1

ВВЕДЕНИЕ. Эхо стали

ГЛАВА I. Падение света

ГЛАВА II. Пульс двух теней

ГЛАВА III. За гранью пульса

ГЛАВА IV. В сердце забытой плоти

ГЛАВА V. Эхо свободы

Часть

1

Ше-

ВВЕДЕНИЕ. Эхо стали

Холод.

Плотный, вязкий, как дыхание смерти.

Я очнулся не сразу — будто закончился не сон, а сама реальность взяла паузу... и только потом разрешила мне снова существовать.

Воздух был влажным, густым, с привкусом ржавого металла и подгнившей плоти. В нос бил солёный, липкий запах, как на старом бойне, где кровь давно впиталась в камень, но её все ещё не отмыли. Сквозь тяжёлые веки пробивался тусклый, пульсирующий свет — не солнечный, не лунный, а живой, органический. Казалось, само помещение дышит, сжимается и разжимается в такт чужому сердцу.

Я не понимал, где нахожусь.

Тело было зажато в тесной капсуле. Полупрозрачная оболочка вокруг меня была скользкой и живой, тёплой, как внутренняя сторона ребра. Стенки пульсировали, на ощупь — не стекло и не металл, а плотная, упругая мембрана. Рёбра чужой плоти двигались вокруг меня, будто лёгкие. С каждым моим вдохом капсула отвечала слабой вибрацией, будто не могла решить, кому принадлежит дыхание — мне или ей.

Я попробовал пошевелиться, но мышцы не слушались. Руки были ватными, ноги — чужими. Кожа горела, словно меня вытравили кислотой, а потом бросили в ледяную воду.

Где-то в глубине сознания вспыхнуло слово.

Имя.

Моё имя.

— Дантаэль.

Звук собственного имени ударил в череп, как эхо удара по стали. Оно не поднялось из памяти — скорее, вошло извне, будто кто-то наклонился к самому уху и прошептал его прямо в мозг.

— *Вот и ты.*

Я задержал дыхание.

Голос был тихим, низким, слишком близким. Но он звучал не в ушах — внутри. Между мыслями. Там, где не должно быть никого.

Я вдохнул глубже — и капсула словно обиделась.

Она затряслась, будто живое чудище, которого разбудили. Что-то над головой зашипело, с влажным чавканьем переключились органические клапаны. На лицо капнула вязкая тёплая жидкость — густая, как кровь, чуть сладковатая на запах. Оболочка вокруг меня дрогнула, по ней пробежали тонкие трещины.

Я стукнул кулаком.

Раз.

Второй.

Третий.

На третьем ударе оболочка лопнула, разрываясь с хриплым, мокрым звуком. Хлынул тяжёлый воздух, пахнувший жареной плотью и морем. Меня вывернуло наружу вместе с кусками органической массы.

Я рухнул на пол.

Металл подо мной был горячим и... живым. Тонкие пульсирующие жилы, словно кровеносные сосуды, шли вдоль плит, уходя в стены. Под ладонью что-то едва заметно шевельнулось, словно корабль вздохнул.

Я поднял голову.

Сплошные, тёмные стены — тоже живые, с влажным блеском, покрытые вздрагивающими прожилками. Откуда-то сверху стекала тягучая жидкость, падала каплями и с мягким хлюпаньем впитывалась в пол. Свет был чужой: бледные, полупрозрачные наросты на стенах и потолке мерцали в такт глухому гулу, будто это были светящиеся опухоли.

— Где я?.. — Голос прозвучал хрипло, словно не мой.

Ответа не было.

Только гул, похожий на далёкий стон, и слабые отголоски шагов где-то в глубине корабля.

Перед глазами выстраивались ряды таких же капсул, как моя. Большинство были уже пусты — распоротые, как вскрытые коконы. Но некоторые ещё пульсировали, внутри угадывались тени тел и лиц, иногда шевеление, иногда —

только слабый след жизни.

Я попытался встать. Колени дрожали так, будто я не стоял годы. Взгляд зацепился за соседнюю капсулу: её оболочка была разодрана изнутри. На полу — следы когтей. От них тянулась полоса крови, впитавшейся в живой металл и уходящей куда-то в коридор.

Память — хрупкая, как стекло, — дала трещину.

Короткая вспышка:

Женщина. Нет — воин. Высокая, жилистая, в чужой, угловатой броне, с клинком, словно вырезанным из кости дракона. Кожа — зеленоватая. Лицо — резкое, холодное, глаза — как два лезвия.

Гитьянка.

Она вырывается из своей капсулы первой — с рыком, с брызгами вязкой жидкости. В руке уже меч. Вокруг — крики, свет, тени существ с щупальцами вместо лиц. Корабль трясёт, потолок осыпается слизью и обломками органометалла. Она тянется ко мне, пальцы почти касаются оболочки, в которой зажат я...

И в этот момент ударная волна швыряет её в сторону. Она исчезает в клубах пара и крови.

Я остаюсь один.

— Гитьянка... — вырывается у меня. Слово ложится на язык так, словно я произносил его тысячи раз.

Память чуть глубже открывает засов.

Я знаю это слово. Их народ — воины, вырезанные из вой-

ны. Рождённые под железным небом, служащие Империи умов, охотники на тех, кто порабощает разум. В легендах Ордена Света их называли «стражалами границы», теми, кто режет ножницами пространство между мирами.

Мы были... врагами? Союзниками?

Я не помнил. Но знал, что уже видел их сталь в деле.

Сердце билось слишком быстро, гулко отдаваясь в висках. Влажный воздух тянулся в лёгкие с усилием, будто был гуще воды.

В тени, у дальней стены, я увидел меч.

Длинный, чёрный, с высохшей коркой чужой крови на лезвии. Рукоять знакомой формы — так, как кладут её тем, кто привык не выпускать клинок из руки.

Я протянул руку.

В тот миг, когда пальцы коснулись рукояти, по телу прошёл жар, как от внезапно вспыхнувшего угля. Вес меча был правильным. Моим. Это было не оружие — продолжение руки, продолжение мысли. В теле будто щёлкнул забытый механизм.

Вместе с этим щелчком пришли слова.

Старые. Священные.

«Клянусь мстить.

Клянусь карать тех, кто творит зло.

Пусть ярость будет моим щитом,

а месть — моим мечом».

Голос, произносящий клятву, прозвучал во мне сразу в

двух местах — в памяти и где-то рядом. Эхо разошлось по костям.

Я вспомнил.

Я — паладин.

Внутри всё дрогнуло, как будто сжалась пружина. Но привычная сила, с которой я когда-то входил в бой, откликнулась не сразу — скорее, пустотой. Словно кто-то вырвал из меня сердцевину, а оболочку оставил.

Клятва Возмездия.

Свет, который я когда-то считал своим.

Образы промелькнули слишком быстро:

храм, лица молящихся, кровь на плитах, меч в моей руке...

и странное ощущение — я держу оружие не против врага, а против того, кто был мне другом.

Металл в ладони дрогнул.

— *Ты убил.*

— Нет... я карал... — шепчу я, сам себе, в пустоту.

— *Ты наслаждался.*

Ноги подогнулись. Я опустился на одно колено, сжимая меч так, будто хотел сломать рукоять. Корабль снова содрогнулся, где-то рядом сорвался кусок органической обшивки и с чавканьем рухнул на пол.

И тогда я услышал его отчётливо.

— *Проснись, Дантаэль.*

Голос был тихим, но каждая буква будто врезалась под ко-

жу. Он не звучал ни мужским, ни женским — просто моим, но с иной интонацией. Чужой тембр, знакомый оттенок.

Я застыл.

— *Ты долго спал. Долго... слишком долго. А я ждал. О, как я ждал...*

Звук шёл не снаружи. Не от стен, не из глубины корабля. Он поднимался из того места, куда обычно прячут страхи и грехи — и надеются, что там слишком темно, чтобы их кто-то нашёл.

— Кто ты? — спросил я, глядя в пустой, пульсирующий коридор.

— *Ты знаешь. Просто не хочешь помнить. Ты — я. А я — всё, что ты пытался убить.*

Я закрыл глаза.

Тьма внутри вспыхнула цветом крови. Обрывки: моё лицо, искажённое улыбкой, сталь в руке, тела под ногами, странный, тягучий покой после удара.

— Нет... это не я.

— *Конечно нет.* — голос усмехнулся. — *Ты паладин. Защитник. Судья. А судьи же не убивают, верно? Они всего лишь выносят приговор.*

Корабль вокруг вздрогнул. Пульсация стен синхронизировалась с биением моего сердца. Казалось, живое судно слушает не только крики снаружи, но и нашу с ним беседу.

Я поднялся, сжав рукоять меча, будто цеплялся за единственное, что ещё было мной.

— Где я? — выдохнул я. — Что это за место?

— Ты внутри его желудка, дитя. *Наутилоид. Живое судно разума. О таких писали в скучных свитках твоего Ордена: корабли, созданные теми, кто жрёт чужой разум и лепит из него новые формы. Они всегда казались вам сказками. Приятно, когда легенды оказываются теснее, чем собственная кожа, не правда ли?*

Корабль содрогнулся. Сверху сорвался кусок ткани, похожей на обожженную кожу, и плюхнулся возле ноги. Внутри слабо шевельнулась тонкая, поблёскивающая жила. Запах горячей, подпаленной плоти стал ещё резче.

Из бокового прохода на меня прыгнуло нечто.

Оно было когда-то человеком — теперь тело вытянулось, кости будто размягчились, а вместо лица расползалась масса щупалец, блестящих от слизи. Глаза превратились в две бледные жемчужины где-то под этой массой.

Я не думал. Тело среагировало само.

Меч поднялся, сталь встретилась с плотью. Удар — короткий, отточенный, как в тренировочном дворе. Щупальца вскрикнули странным, влажным звуком, когда клинок их рассёк. Тварь попыталась ухватить меня когтями, но второй удар прошёл по шее. Кровь — вязкая, тёмная, с запахом ржавчины и тины — брызнула мне на лицо.

На миг время остановилось.

Корабль гудел. Кровь стекала по щеке. Меч дрожал в руке. А внутри — стало... спокойно.

Не облегчение. Не радость. Просто... правильность. Чистая, как сталь после шлифовки.

— *Вот оно!* — голос почти мурлыкал. — *Вот кто ты есть. Почувствуй...*

— Я не монстр, — подумал я. Или сказал вслух — не уверен.

— *Нет. Просто убийца, который любит делать своё дело красиво.*

Корабль снова дёрнулся, где-то далеко прогрехотало — как будто гигантский кулак ударил по боку судна. Я побежал, скользя по живой ткани, пропитанной кровью и слизью. Свет стал ярче, тени — резче.

По пути — капсулы, разорванные и целые, тела, кровь, дым. В памяти вспыхнули:

женщина в чёрной броне, символ с перевёрнутыми крыльями, алтарь, колени на каменном полу.

Воспоминане, как шёпот: **«Ты нарушил клятву. Ты предал свет».**

— *И теперь ты мой!* — сказал голос внутри.

Я остановился.

Вокруг — алые лужи, трепыхающиеся обрывки органики.

Меч тяжело лежал в ладони, словно сам выбирал, куда быть направленным.

— *Ты ведь знаешь, как всё началось?* — шепнул он. — *Вспомни...*

Корабль на мгновение стих. Пульсация стен сбилась, свет

нарастал и гас, как дыхание умирающего. Мир вокруг сжался в точку.

И — вспышка.

Я вижу стол. Холодный металл под спиной. Руки и ноги зажаты кандалами. Надо мной — фигуры. Лица скрыты щупальцами, глаза — два фиолетовых провала, без зрачков. Иллитиды. Разумопожиратели. Те, о ком в Ордене говорили шёпотом, как о детской страшилке, которой пугают монахов-послушников.

Один из них держит в руках стеклянную колбу. Внутри — личинка. Маленькая, как детёныш змеи, с мягким телом, сжимающимся и распрямляющимся в вязкой жидкости. Она шевелится, словно чувствует меня.

Я рвусь из пут, но рот заткнут кляпом из плотной, влажной ткани. От неё пахнет морем и тиной. Дыхание рвётся, сердце бьётся в висках, как молот.

Колба наклоняется. Холод ползёт к лицу.

Боль — приходит не сразу.

Сначала — холодное касание к глазу.

Потом — движение.

Личинка ввинчивается в глазницу, как раскалённый гвоздь. Свет взрывается перед глазами белым пламенем. Кажется, что череп сейчас треснет, а мозг выльется наружу.

Я кричу — но голос вязнет в мякоти, что заткнула мне рот.

— Ты думал, что это я? — шепчет кто-то в этой белой

пустоте.

— Кто ты?..

— *Твоя тень. Твой шёпот в стали. Тот, кто был здесь задолго до этого червя.*

— Личинка...

— *Нет.*

Голос становится ближе, теплее. Не угрожающий — заманивающий.

— *Не путай меня с их игрушками. Их червь перепишет твой мозг, если его не остановить. А я родился в первый раз, когда ты пролил кровь... и назвал это правосудием.*

— Я паладин... — с трудом выталкиваю мысль, цепляясь за слово, как за кромку пропасти.

— *Ты убийца. Только паладины умеют убивать с таким удовольствием.*

— Замолчи.

— *Зачем? Ты сам зовёшь меня. Каждый раз, когда поднимаешь меч. Каждый раз, когда вдыхаешь запах крови и чувствуешь, как внутри становится легче.*

Свет вспыхивает ярче. В нём — отражение.

Моё лицо. Точно такое же. Только глаза — тёмные, без зрачков, кожа — бледная, словно выжженная изнутри.

— *Ты — это я.*

— Нет.

— *Ты прячешься за клятвами, богами, молитвами. А я просто живу. Я — твоя честность.*

Внутри всё сжимается.

Я пытаюсь оттолкнуть голос — но он не сопротивляется.

Он просто идёт рядом.

— *Сколько жизней ты отнял, прикрываясь Возмездием?*

Я вижу:

сталь,

глаза, полные мольбы,

рука, опускающая меч.

И прежде чем мысль успевает оформить оправдание, внутри уже звучит тихий смех.

— *Ты помнишь. И тебе это нравится.*

— Нет.

— *Не отрицай. Я не враг. Я — ты, Дантаэль. Просто без цепей.*

— Тогда почему я боюсь тебя?

— *Потому что впервые видишь себя без маски.*

Мир снова дёргается. Белый свет рвётся, как ткань, и я валюсь из него обратно — в дрожащую тушу корабля.

Я лежу на полу. Холодный, скользкий металл дышит под щекой. Над головой снова светятся опухолевидные наросты. На вкус во рту — соль, кровь и горечь.

Корабль стонет. Где-то гремит, как будто по нему бьют цепями. Впереди — коридор, залитый красноватым сиянием.

Я поднимаюсь и иду туда.

Комната встречает меня запахом смерти.

Тут воздух можно почти пить: густой, тяжёлый, с приме-

сью гнили и старого пота. Стены — те же живые, с пульсирующими жилами, но здесь они двигаются медленнее, будто задыхаются. В глубине слышен слабый, рваный стук — то ли сердце корабля, то ли то, что от него осталось.

По стенам подвешены тела. Одни — человеческие, другие... не очень. Они закреплены на жилах, как на крюках. У некоторых глаза ещё шевелятся, улавливая свет. Рты открыты — но вместо крика срывается только хрип.

На полу лежит мужчина. Человек.

Грудная клетка у него развернута, как раскрытая створка ящика. Рёбра обнажены, мясо обожжено, частично растворено кислотой. Сердце ещё бьётся — вяло, но упрямо, раздуваясь и сжимаясь на открытом воздухе. Каждое его сокращение сопровождается мокрым, свистящим звуком.

Он дышит, как сломанный мех кузнеца — рывками, с бульканьем. Из рта стекает розовая пена.

Он смотрит на меня.

Его губы беззвучно складываются в слово:

«Помоги».

Я подхожу ближе. Кожа на груди у него не просто обожжена — под ней что-то шевелится. Маленькие тени скользят под тонким слоем плоти, как личинки под корой дерева. Тянутся вверх, к шее, к голове.

— *Интересно*, — лениво произносит внутри Темный Соблазн — *ты ведь можешь его спасти, верно?*

— Я должен... — голос мой хрипнет.

— Или можешь подарить ему покой. Быстрый. Чистый.
И очень красивый.

Я смотрю в его глаза.

Там почти нет страха. Есть только невероятно упрямая,
детская просьба: «Сделай что-нибудь». Неважно уже — что.

Я поднимаю меч. Лезвие ловит тусклый свет биолюминес-
центных наростов.

— Прости, — шепчу я.

Клинок входит в грудь легко. Как в воду.

Человек вздрагивает. Вдох застревает у него в горле.
Пальцы слегка дергаются — и замирают.

Кровь хлынула тёплой волной, обдавая руки. Она пахла
железом и чем-то горьким. На секунду весь мир сузился до
линии стали, входящей в плоть, и улыбки облегчения, кото-
рая не успела появиться на его лице.

И в эту секунду я чувствую.

Не облегчение.

Не сострадание.

А сладкую, густую тишину внутри. Как после глотка креп-
кого вина натошак.

— Вот видишь! — тихо говорит голос. — Ты не спасал.
Ты смаковал. Просто честно, без лишних слов.

Я опускаю меч. Воздух с трудом входит в грудь, но дыха-
ние... выравнивается. Как после хорошего боя.

Мне становится страшно.

Не от того, что я сделал.

От того, как легко это было.

— *Ты чувствуешь вкус крови, как возвращение домой.*

— Замолчи.

— *Ты не паладин. Ты — суд. А приговор у тебя один и тот же.*

Сердце ударяет слишком сильно, больно. В висках пульсирует, мир чуть плывёт. Корабль вокруг дрожит, потолок ходит волнами, но я уже не слышу — только шорох крови в ушах.

— *Признай.* — шепчет он. — *Я — не враг. Я — правда.*

Боль возвращается резко, как удар по шлему. В глазах темнеет. Вдалеке раздаётся новый треск — судно рвёт, оно падает, его кости ломаются о что-то огромное.

Я едва удерживаюсь на ногах.

Корабль кричит. Живые стены заходятся судорогой. Где-то рядом лопаются сосуды, из щелей хлещет горячая, почти кипящая слизь.

Жажда поднимается, как волна. Сначала лёгкий зуд под кожей, потом сухость во рту, потом — хищный холод в животе. Я чувствую, как пальцы сами сжимаются на рукояти меча, как взгляд ищет цель.

— *Дан...та...эль...*

Голос внутри тянет моё имя, словно песню.

— Дантаэль...

— Дантаэль, мы проходили это много, много раз... и исход не всегда, не всегда зависит от нас.

Уверенность в его голосе пугает сильнее, чем вопли умирающего корабля. А его извека в виде напевании песни и на-свистывании только подтверждает, что он не просто знает, что будет дальше — он уже видел это.

— Прости. Но сейчас на раскачку времени нет. На кону наш жизненный пируэт.

Гул в ушах меняется — крики снаружи становятся тише, а свист нарастает. Где-то далеко, за слоями плоти и металла, воздух рвётся, и судно проваливается вниз.

Мир дрожит. Пол уходит из-под ног.

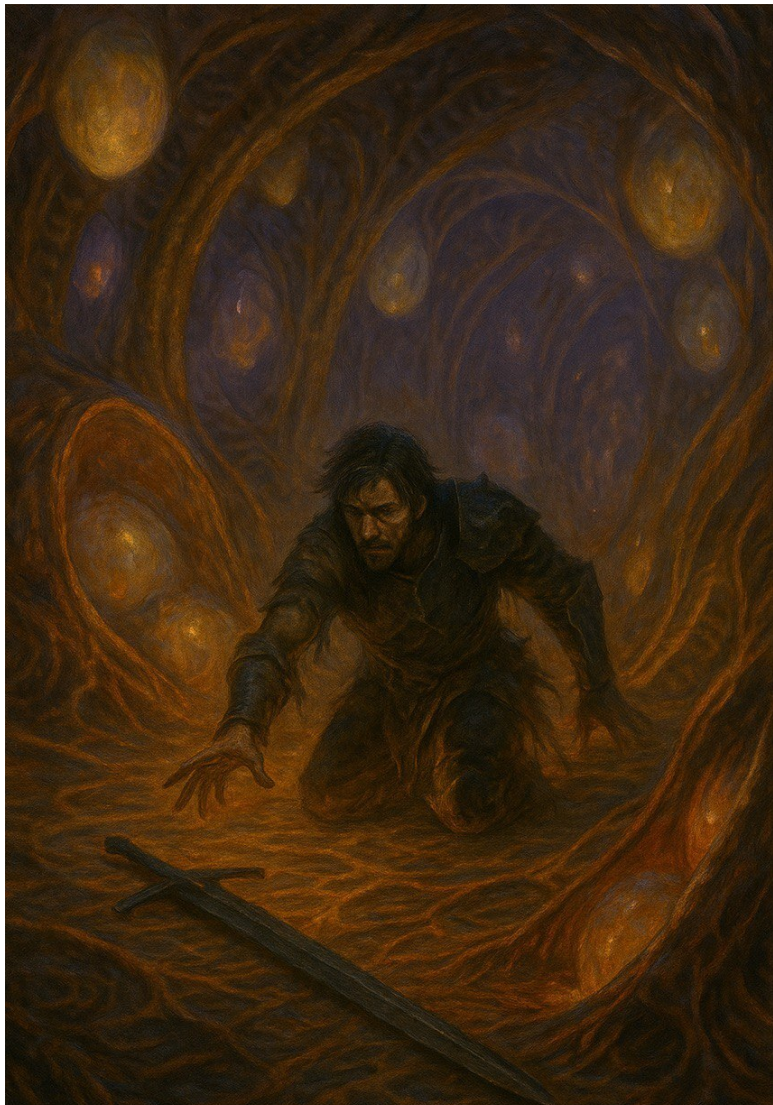
— Держись, Дантаэль... — шепчет он. — Я ещё помогу. Может быть.

Свист режет слух.

Крики ломаются.

Свет рвётся на куски.

Мир погас.

ГЛАВА

I

. Падение света

Белый свет расползся в темноту.

Но тьма не принесла покоя. Она жила. Дышала.

Внутри нее кто-то тихо смеялся.

— *Опять ты,* — сказал голос — *сколько раз мы это переживали, Дантаэль?*

Мир передо мной выглядел ненастоящим. Не видение, не сон — скорее, стекло, выдутый пузырь памяти. Линии были слишком четкими, цвета — слишком яркими, звуки — будто слышались не ушами, а кожей.

Передо мной стоял мальчик.

Маленький. Лет десяти.

Вода по щекам — то ли дождь, то ли слезы. В руках — деревянный меч, ободранный, но любимый. Он смотрел на старшего мальчишку, который резал ножом себе ладонь.

Капля крови упала на камень.

Все вокруг — другие дети — отпрянули. Кто-то пискнул, кто-то отвернулся. Для них это было страшно, мерзко, слишком реально.

А тот маленький мальчишка со смешным мечом сделал шаг вперед.

Я.

Кровь блестела на свету — ярко, живо. Я помнил этот

блеск. Слишком хорошо. Она тянулась по камню тонкой дорожкой, и это было так... красиво, что внутри что-то дрогнуло.

Мальчик протянул руку и коснулся капли пальцем. Провел, размазал. Кожа окрасилась красным.

И он улыбнулся.

— Все испугались, — шепнул голос, довольный. А ты — влюбился.

Мир дрогнул — как вода, в которую бросили камень.

Камень, двор, детские лица растворились.

Трава.

Солнце.

Крики.

Теперь — поле. Пахнет мокрой землей и потом. На горизонте — деревня. Люди бегут, спотыкаясь, не оглядываясь, срывая в панике голоса. На них несется что-то огромное, рогатое, с пастью, полной гнили. Чудище, которое не должно существовать, но почему-то существует именно здесь и сейчас.

Я вижу себя — уже не мальчика. Юношу.

Живая сталь в руках, не деревянная палка.

Я бросаюсь вперед.

Меч режет воздух с привычным звуком. Внутри — не страх, а сосредоточенность. Я вдаряю в бок твари, чувствую, как лезвие входит в плоть, а под ним — хрящ, кость, горячие внутренности. Кровь бьет фонтаном, обдавая лицо. Запах —

тяжелый, звериный, с примесью гнили.

Чудище ревет, заваливается на бок. Люди кричат — кто-то от ужаса, кто-то от восторга.

А я стою, держа меч, и не могу отвести взгляд от багровых брызг на своей броне.

— *Ты спас их!* — напомнил голос. — *Герой. Защитник. Все по уставу.*

Руки дрожат. Но не от страха.

Сердце бьется ровнее. Внутри — тишина.

Слишком приятная.

— *Но почему пальцы так крепко сжимают рукоять?* — тихо усмехается он. — *От страха? От ужаса?*

Капли крови стекают по перчатке. Я провожу большим пальцем по грани лезвия, смазывая их, и так же, как тогда, в детстве, ловлю себя на том, что смотрю — с интересом.

— *Ты любишь это чувство, Дантаэль,* — мягко, без обвинения — *жизнь уходит. А ты в этот миг живее всех.*

Мир дернулся — и снова сменился.

Теперь — война.

Гул рогов, запах дыма, тяжелый звон доспехов. Не деревня, не случайная вылазка. Поле, затянутое дымом, ряды воинов, знамя Ордена Света трепещет над головами — белый щит на фоне золотого солнца. Молящиеся, каратели, инквизиторы — все в одном строю.

Я вижу себя — уже взрослого. В латах с символом Торма на наплечнике. Рука привыкла к весу меча, движения стали

экономными, молитвы — короткими и точными.

Торм. Бог долга.

Бог суда.

Бог тех, кто идет первым, когда остальные прячутся.

Он не обещал награды. Он обещал одно: если ты встанешь между миром и тьмой, он встанет рядом.

Я верил.

Перед нами — демоны. Твари Пустоты, вылезшие из трещин в реальности. Черные, костяные, огнедышащие. Их рев смешивается с ревом людей.

Меч в моей руке пылает. Божественный свет Торма, сосредоточенный в клинке, рвет тело демона, как бумагу. Каждый удар — молитва. Каждый шаг — жертва.

Я иду, и за мной идут люди.

Я — лезвие. Они — волна.

— *Ты был прекрасен!* — почти мечтательно шепчет голос.
— *В ярости. В вере. В крови.*

Демоны падают. Земля под ногами становится скользкой от черной и алой жижи. Пепел смешивается с криками, и в этой какофонии есть только один устойчивый звук — удар моего сердца.

Но вот... по другую сторону поля — люди.

Не чудовища. Не демоны.

Люди, чьи лица я мог бы встретить в любом городе.

На их одежде — знаки ереси, чужие символы, черные, перевернутые, полуприкрытые. Когда-то они отвернулись от

Торма. Это были те, кого Орден называл «отступниками света».

— Они предали свет, — вспоминает голос командира. — Их не пощадить.

Они бросают оружие. Поднимают руки. Падают на колени.

Я стою перед ними. Меч горит, рука не дрожит.

— Воин света не сдается, — слышу я свой голос. — Кто падает на колени перед тьмой — уже мертв.

И поднимаю клинок.

Крики. Мольбы. Слезы.

Я не слушаю.

Сталь опускается.

Раз за разом.

Кровь на этот раз — человеческая. Теплая, знакомая. Она пахнет не гнилью и серой, а железом и страхом. И с каждым ударом внутри становится... ровнее.

Не радостно.

Не весело.

Просто — правильно.

— *Ты не мог остановиться!* — тихо напоминает голос.
— *Помнишь? Они уже не сопротивлялись. Ты мог оставить их живыми. Но ты не хотел.*

— Я остановил зло, — отвечаю я. — Я исполнил долг.

— *Ты стал его частью.*

Мир снова смещается.

Ночь. Лагерь.

В центре — импровизированный загон из кольев и веревок. Внутри — связанные воины. Те, кто сдался. Те, кому обещали суд.

Я подхожу. Стражник делает шаг назад, узнавая меня.

— Лорд Дантаэль... вам не велели...

— Я знаю, что мне велели, — отвечаю я, и голос звучит спокойно. — И знаю, что правильно.

Пленники поднимают головы. В глазах — усталость, боль, надежда. Они ждут, что я скажу: «Вы получите шанс очиститься», «Свет милостив», «Вам судить себя самим» — это любимые формулы святых.

Я смотрю на них. Вспоминаю поле, демонов, кровь.

— Воин света не живет на коленях, — говорю я. — Вы уже умерли. Я просто догоняю ваши тела.

Меч поднимается.

Кто-то кричит.

Кто-то молится.

Очередная кровь впитывается в землю.

Когда все заканчивается, я смотрю вниз — в темную лужу у своих ног. В ней — мое отражение.

Один глаз — золотистый, цвет света Торма.

Второй — темнее, с багровым отблеском, как уголь в золе.

Я впервые вздрагиваю.

— Ты убил тех, кто верил в тебя. — шепчет голос. — Твой суд был честен только для тебя.

Я падаю на колени.

Грязь липнет к рукам.

Слезы смешиваются с кровью.

И впервые я прошу прощения. Не у этих тел, не у людей вокруг. У того, кто должен был быть рядом.

— Если я виновен, — шепчу я, — пусть твой свет, Торм, сожжет меня. Если во мне осталась искра правды — дай мне силу, чтобы очиститься.

Ответом — тишина.

Ни вспышки, ни шепота, ни даже слабого тепла.

— *Вот видишь?* — говорит голос где-то в глубине. — *Он не ответил. А я — здесь.*

Вспышка.

Холодный камень под ногами.

Зал. Высокий, светлый, с колоннами, утыканными изображениями святой рати. Факелы горят ровным пламенем, воздух пахнет маслом и сухим ладаном.

Это — храм Ордена Света. Дом моего бога.

Я стою в центре зала без доспехов. Меч лежит у моих ног, как выброшенный из руки поводок. На мне — простая одежда, вся в пятнах крови, некоторые уже почернели.

На возвышении — братья по Ордену. Те, кто учил меня молиться. Те, кто благословлял на первый поход. Те, кто шептал мне в юности: «Свет никогда не предаст».

Сейчас они смотрят как судьи.

— Ты нарушил клятву, — говорит Верховный. Его голос

спокоен, но взгляд — холоден. — Ты превратил Возмездие в жажду. Свет отвернулся от тебя.

— Я карал врагов света, — отвечаю я. — Я исполнил долг.

— Ты убил безоружных, — вторит другой. — Ты наслаждался их смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.